

И. П. ЕРЕМИН

Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР

В. П. Адриановой-Перетц

Осенью 1907 г. в Киеве по инициативе профессора В. Н. Перетца возник на правах неофициального научного общества кружок лиц, интересующихся изучением древнерусской литературы, — Семинарий русской филологии. В состав этого вольного объединения филологов входили не только студенты и лица, оставленные при университете для подготовки к научной деятельности, но и некоторые университетские профессора и доценты. В 1914 г. профессор В. Н. Перетц был избран ординарным академиком Академии наук по Отделению русского языка и словесности и переехал в Петербург.

Семинарий русской филологии, однако, не прекратил своей работы; с некоторыми перерывами он просуществовал вплоть до 30-х годов на базе Петербургского—Ленинградского университета.

Значение в истории нашей науки этого семинария трудно переоценить. В нем под руководством акад. В. Н. Перетца серьезную филологическую школу получили многие специалисты по русской литературе, древней и новой; некоторые из них позже завоевали себе почетное место в советской науке (С. Д. Балухатый, С. А. Бугославский, Н. К. Гудзий, С. И. Маслов, С. А. Щеглова и др.).

Научная деятельность В. П. Адриановой-Перетц в течение ряда лет была тесно связана с Семинарием русской филологии. Она активно сотрудничала в нем с момента его основания; ее докладом на тему «Филология и ее методы» Семинарий (10 октября 1907 г.) и начал свою работу.

Первой научной проблемой, систематическому изучению которой В. П. Адрианова-Перетц отдала немало сил, была проблема так называемой «литературной истории» памятников литературы древней Руси.

Текст древнерусских литературных произведений, как известно, не знал устойчивости, находился в процессе непрерывного движения; он постоянно обновлялся, нередко в корне перерабатывался. Процесс этот и раньше привлекал внимание специалистов, но обычно попутно, не становясь центральной темой исследования. На примере своих работ В. П. Адрианова-Перетц подчеркнула принципиальную важность разысканий в этом направлении для построения истории древнерусской литературы. Изучая тот или иной памятник, она обычно привлекала к исследованию все его рукописные копии, даже самые поздние по времени, на первый взгляд мало интересные; обращалась и к лубочной литературе, и к фольклорным записям, не пренебрегая ничем. В результате В. П. Адриановой-Перетц удалось наглядно показать, какая подчас сложная судьба выпадала на долю некоторых литературных произведений древней Руси в течение их многовековой истории, в частности в XVIII в., когда они в новой исторической обста-

новке стали перерабатываться в соответствии с новыми общественно-литературными запросами.

Не лишены интереса уже ранние работы В. П. Адриановой-Перетц, посвященные этой теме.

В 1909 г. вышла в свет ее статья «Евангелие Фомы в старинной украинской литературе». Апокрифическое Евангелие Фомы было переведено с греческого на славянский язык давно; древнейшие списки его относятся к XIV в. Памятник этот, как показала В. П. Адрианова-Перетц, к XVIII в. успел под пером писцов превратиться в типичную «народную книгу» и по языку и даже в какой-то степени по содержанию: в него попали две легенды местного, фольклорного происхождения, и сам он, в свою очередь, послужил источником для ряда устных сказаний.

В другой статье, напечатанной годом позже, — «К литературной истории Толковой Палеи» — В. П. Адрианова-Перетц установила, что этот древний, относящийся еще в XIII в. антииудейский полемический трактат, в состав которого вошла серия ветхозаветных апокрифов, на Украине во второй половине XVII в. вызвал к себе большой интерес; в несколько переделанном виде его охотно переписывали и даже, по обычаю украинских литераторов той эпохи, снабдили ссылками на источники. В. П. Адрианова-Перетц выяснила и причины этой несколько неожиданной популярности Толковой Палеи в XVII в.: это были годы, когда многие и на Украине и на Западе были взбудоражены слухами о появлении на Востоке некоего Саббатая Цви, выдававшего себя за мессию.

В конце XV—начале XVI в. был переведен с еврейского на белорусский книжный язык написанный не известным по имени арабским автором X—XI вв. трактат о том, как управлять государством, — «Аристотелевы врата» (так называли его московские книжники). Трактат — он написан в форме наставлений Аристотеля Александру Македонскому — в свое время приобрел мировую известность на Востоке и на Западе (здесь он в переводе на латинский язык получил название «Secretum secretorum»). В. П. Адрианова-Перетц в статье «К истории текста Аристотелевых врат» (1911) установила, что трактат этот, в центральной своей части посвященный характеристике идеального монарха, пользовался на Руси популярностью и в XVI—XVII вв. и даже, в рукописной традиции, в XVIII в. Его не только усердно читали, но и немало потрудились над приспособлением белорусского текста к пониманию русского читателя — «удобнейшего ради познания» или переводили отдельные словосочетания на русский язык, или снабжали текст пояснительными глоссами. Статья выразительно иллюстрирует одно характерное явление нашей старой литературы: в процессе переписки, постепенно, из текста переводного произведения выветриваются все непонятные слова и словосочетания — до полного уничтожения всяких следов иноязычного оригинала.

Указанные работы В. П. Адриановой-Перетц проложили путь ее обширному исследованию (магистерская диссертация), вышедшему в свет отдельной книгой в 1917 г. — «Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности». Центральная проблема здесь та же («литературная история»), но в несколько ином повороте. Предметом исследования является не одно какое-либо произведение, как это имело место в предшествующих работах В. П. Адриановой-Перетц, а группа произведений и литературного, и фольклорного происхождения, объединенных единством сюжета. В отрывке житие Алексея в славянском переводе известно уже по списку XII в. Свое исследование В. П. Адрианова-Перетц и начала с анализа этой, древнейшей на Руси, версии жития;

проанализировала и все другие версии, в том числе появившиеся в XV—XVII вв. в переводе с чешского языка и польского. Много внимания уделила разным обработкам того же сюжета: в школьной драме, в ораторской прозе XVII—XVIII вв. (Симеон Полоцкий, Лазарь Баранович, Стефан Яворский), в виршевой поэзии XVIII в., в древнерусской живописи и, наконец, в русском, украинском и белорусском фольклоре, где сюжет этот был обработан в форме духовного стиха. Широкая популярность духовного стиха об Алексее человеке божьем побудила В. П. Адрианову-Перетц подробно остановиться на его изучении. Анализ всех вариантов стиха (в распоряжении Адриановой-Перетц было 74 варианта) развернулся в обширное изыскание, основные выводы которого могут быть сведены к следующим положениям: все варианты воспроизводят один и тот же стих, первооригинал которого можно отнести к XVII в.; в основу стиха легло древнее славянское житие Алексея; в процессе устной передачи, от певца к певцу, стих испытал воздействие и сказок народных, и былевого эпоса, и других духовных стихов; на Украине стих исполнялся преимущественно лириками и приобрел характер лирической песни, в значительной степени утратив свою эпическую основу; в Белоруссии стих в процессе устной передачи столкнулся с аналогичной польской песней на тот же сюжет и через ее посредство вступил в общение с целой группой западноевропейских обработок легенды об Алексее.

К этой всегда занимавшей ее теме («литературная история») В. П. Адрианова-Перетц не раз возвращалась и позже. Заслуживают внимания в этой связи две ее статьи 1926 г.: «Данило Корсунский — паломник XVI-го вѣку» и «Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века».

Предметом первой статьи является неизученный памятник конца XVI в. — «Хождение» Данила Корсунского. В 1590 г. некто Даниил, житель «Белой России», отправился с благочестивой целью в Палестину. Вернувшись в 1594 г. домой, он задумал описать это путешествие. В предисловии к «Хождению» он обещает читателю рассказать подробно, что видел; не раз повторяет, что все ниже описанное он действительно видел «очима своима грешными», что описал свое «хождение» «вся по истинне, ничто же солгах». В действительности же, как убедительно показала В. П. Адрианова-Перетц, и эти его слова, и текст в целом, в центральной своей части во всяком случае, целиком списаны у игумена Даниила — писателя-путешественника XII в. Даниил Корсунский не потрудился даже устранить из своего изложения явные анахронизмы: если верить его словам, он видел в Палестине рыцарей-крестоносцев и даже «князя Балдуина!». «Хождение» корсунского паломника тем не менее усердно переписывалось на юго-западе Руси вплоть до XVII в., а в XVIII в. было переведено на русский язык. В статье установлен факт, интересный и сам по себе и как материал для характеристики судьбы одного из выдающихся памятников литературы Киевской Руси.

Во второй статье В. П. Адрианова-Перетц показала, что переделке, а иногда и коренной переработке подвергались не только памятники древнерусской литературы, но и литературная продукция новой формации — те или иные печатные литературные произведения XVIII в. В ряде рукописных сборников второй половины XVIII в. В. П. Адрианова-Перетц обнаружила серию коротеньких новелл, изложенных характерной для лубочной литературы рифмованной прозой. Анализ выяснил, что эти юмористические «жарты» — «забавные», «фигурные» и «увеселительные», как называются они в сборниках, — не что иное, как переделка в лубочном стиле очень популярного, не раз переиздававшегося в XVIII в. сборника

басен Эзопа в редакции и с примечаниями Летранжа (в переводе с немецкого языка Сергея Волчкова).

Весь этот материал, собранный В. П. Адриановой-Перетц и изученный ею в указанных работах, еще раз подтвердил факт, уже установленный ее предшественниками, но до сих пор не обращавший на себя должного внимания, что в XVII—XVIII вв. многие произведения древнерусской литературы, иногда глубокой старины, в особенности охотно переписывались и переделывались в демократических слоях населения: в XVII в., судя по пометам на полях рукописей, — в среде преимущественно городского посада, в XVIII в. — в среде мещан, купцов, канцеляристов, низшего духовенства, грамотного крестьянства.

В начале 30-х годов В. П. Адрианова-Перетц от «литературной истории» перешла к систематическому изучению демократической литературы XVII—XVIII вв. Одна проблема в научном творчестве В. П. Адриановой-Перетц сменялась другой, сама постановка которой уже была ценным вкладом в советское литературоведение.

Объем демократической литературы XVII—XVIII вв., ее общественно-литературное содержание, ее художественные особенности — вот вопросы, которые отныне надолго овладевают вниманием В. П. Адриановой-Перетц. Ответ на эти вопросы требовал предвзятых разысканий. На этот путь В. П. Адрианова-Перетц и вступила.

Результаты своих разысканий и наблюдений В. П. Адрианова-Перетц изложила сперва в статьях, а затем и в книге «Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1937).

Посвящена книга следующим произведениям демократической литературы XVII в., частью уже известным, но неизученным, частью впервые обнаруженным: «Азбука о голом и небогатом человеке», «Праздник кабацких ярыжек» («Служба кабаку»), «Калязинская челобитная», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о куре и лисице», «Повесть о попе Савве», «Лечебник, как лечить иноземцев». Книга распадается на ряд самостоятельных этюдов, но объединенных единством замысла: показать место и значение этой группы произведений в литературном движении XVII в.

Книга эта — она вписала новую главу в историю древнерусской литературы и уже давно стала достоянием учебников — замечательна прежде всего тем, что она в корне ломает то представление о демократической литературе XVII—XVIII вв., какое у нас сложилось раньше и какое отчасти вселила в нас сама В. П. Адрианова-Перетц своими предшествующими работами. Опубликованная здесь серия исследований и материалов свидетельствует о том, что деятели демократической литературы занимались не только переписыванием старых произведений — допетровской Руси и их переделкой, но умели создавать и новые произведения, злободневные по содержанию и часто очень оригинальные по форме. Демократическая литература XVII—XVIII вв. теперь, впервые в нашей науке, предстала перед нами как уже вполне сложившаяся, полноценная творческая литература, у которой уже был и свой новый автор и свой новый читатель, у которой были свои особые задачи, не совпадавшие с задачами «большой» литературы господствующих верхов общества.

В. П. Адрианова-Перетц установила, что подлинным содержанием этой литературы была прежде всего антифеодалная по своей направленности критика многих устоев существующего общественного строя, злая порою сатира на корыстное духовенство, на формальное благочестие, на господствующую церковь и ее институты, на государственную организацию по-вального в стране пьянства, на «царев кабак», с помощью которого эта

организация осуществлялась, на политику правительства, покровительственную по отношению к иностранцам в ущерб интересам национальной торговли и промышленности, на взяточничество и крючкотворство представителей административной власти, на суд и его организацию и еще на многое другое. Выяснила В. П. Адрианова-Перетц и основной художественный принцип этой литературы. Принципом этим была пародия. Почти все рассмотренные в книге произведения, «Праздник кабацких ярыжек», «Калязинская челобитная» в частности, написаны в форме пародии на те или иные литературные и внелитературные жанры официозного происхождения.

В ряде статей — одни из них были напечатаны еще до появления в свет ее «Очерков», другие позже — В. П. Адрианова-Перетц показала, что то же направление, тот же характер, в основном пародийно-сатирический, рукописная демократическая литература сохраняла и в XVIII в., притом не только в России, но и на Украине.

Интересный в этом отношении факт сообщила В. П. Адрианова-Перетц еще в 1924 г. в статье «До історії пародії на Україні в XVIII віці». Предметом исследования здесь является написанная кем-то в 1740 г. на Украине «Служба пиворѣзам», или «Правило, увѣщательное пьяницам», как она еще иначе называется в рукописях. Анализ этого шуточного произведения, высмеивающего бездомных, всегда голодных, но неизменно жизнерадостных украинских бурсаков — «пиворізів», убедил В. П. Адрианову-Перетц в том, что это типичная, в стиле XVII в., литературная травестия, пародирующая популярные церковные песнопения.

Аналогичные факты, мелкие, но не менее показательные, сообщила В. П. Адрианова-Перетц и в статьях «Юмористические лечебники» (1928), «Из сатирической литературы XVIII в.» (1940), «Юмористические куранты» (1948).

Известно, что в XVIII в. сатира иногда принимала форму медицинского рецепта; Н. И. Новиков, например, в «Трутне» часто пользовался рецептом, чтобы заклеить те или иные пороки современного ему общества. В. П. Адрианова-Перетц установила, что традиция эта восходит еще к самому началу XVIII в.: в рукописях сохранились рецепты, которые при ближайшем рассмотрении оказываются пародией на иноземные лечебники, которые были широко распространены у нас в XVII—XVIII вв. Рецепты написаны по всем правилам тогдашней фармацевтики, но содержат советы и предписания самые невозможные. В одном рукописном сборнике первой половины XVIII в. В. П. Адрианова-Перетц обнаружила стихотворную сатиру на одного из церковных вельмож Петровской эпохи — Феодосия Яновского; текст свидетельствует о том, что в рукописной демократической литературе XVIII в. сатира иногда принимала и форму «пунктов», пародирующих принятую с 1723 г. форму судебного обвинительного заключения. Обнаружила В. П. Адрианова-Перетц в рукописях и шуточные «авизии» из разных иноземных городов и стран, пародирующие форму заметок и сообщений «курантов» — предшественников русских газет.

В 1936 г. в статье «Образцы общественно-политической пародии XVIII—начала XIX вв.» В. П. Адрианова-Перетц показала, что в конце XVIII в. русская сатира-пародия столкнулась со встречным движением — с Запада: в конце XVIII в. широкое распространение получила, разумеется в рукописном виде по цензурным условиям, политическая сатира в переводе с немецкого, французского и польского языков в форме пародии на молитвы («отче наш» и др.), на десять заповедей, на символ веры и пр.

Значительным событием в нашей науке было появление в 1954 г. в серии «Литературные памятники» Академии наук СССР книги В. П. Адриановой-Перетц «Русская демократическая сатира XVII века». Здесь опубликовано 16 текстов (все известные пока памятники этого вида литературы) с обширным текстологическим, историко-литературным и реальным комментарием. Издание сопровождается статьей «У истоков русской сатиры», обобщающей все многолетние разыскания В. П. Адриановой-Перетц в данной области.

«Массовая», демократическая литература XVII—XVIII вв. — тема, которой В. П. Адрианова-Перетц в работах своих уделила в особенности много внимания. Но одной этой темой круг ее научных интересов не замкнулся. Свой вклад внесла она в изучение и других явлений той же, столь хорошо знакомой ей эпохи.

В истории русской культуры первой половины XVIII в. большую роль сыграл так называемый школьный театр. Театр этот пользовался и при Петре, и при его ближайших преемниках активной поддержкой правительства. И не случайно. Петр I ждал от театра откликов на современность, рассчитывал, что театр будет содействовать осуществлению его преобразований.

Идя навстречу этим пожеланиям, деятели школьного театра сделали максимум того, что могли сделать, исходя из возможностей своего театрального и драматургического опыта. На сцене школьного театра, московского и провинциального, уже с начала XVIII в. стали появляться пьесы — триумфальные, панегирические. Они вызвали живейший интерес у современников; написанные обычно по свежим следам последних политических событий, они прочно утвердили в русском театре XVIII в. «гражданскую» тему.

Школьный театр привлек внимание В. П. Адриановой-Перетц еще в начале ее научной деятельности. Посвятив немало места исследованию старейшей пьесы киевского школьного театра — драмы об Алексее человеке божьем — в своей магистерской диссертации, она в 1923 г. к той же теме, школьному театру, вернулась в статье «Из истории театра в Твери в XVIII в.». Здесь В. П. Адрианова-Перетц опубликовала текст не известной до сих пор панегирической пьесы об Александре Македонском; пьеса написана в честь императрицы Елизаветы Петровны, но по содержанию своему представляет собой скорее панегирик Петру I, чем его дочери или внуку — наследнику престола Петру Федоровичу. В. П. Адриановой-Перетц удалось установить и время написания этой пьесы, и ее автора: пьеса написана и поставлена в Твери в 1746—1748 гг.; автором был преподаватель пиитики Тверской семинарии Иван Лятошевич, родом украинец. В 1927 г. та же пьеса, но по другому списку была напечатана сербо-хорватским ученым И. Бадаличем; тот же исследователь опубликовал и еще одну пьесу тверского школьного театра — «Синописис, или Краткое видение декламации высочайшему дню рождения ея императорскаго величества» (см.: Јосип Бадалић. Споменици руске школске драме јелисаветинскога времена. У Београду, 1927). До сих пор историкам было известно о существовании школьного театра в Москве, Ростове (Ярославском), Новгороде, Троицкой лавре, Тобольске и Иркутске. Материалы, сообщенные В. П. Адриановой-Перетц и И. Бадаличем, удостоверяют существование школьного театра также в Твери. В 1940 г. в статье «Новые материалы по истории русского школьного театра XVIII в.» В. П. Адрианова-Перетц установила факт существования школьного театра и в Астрахани; в одной рукописи второй половины XVIII в. ей удалось обнаружить незаконченную копию «рождественской» школьной

драмы, поставленной, судя по ряду признаков, именно там, при местной «латинской» школе.

Следует, наконец, указать, что В. П. Адриановой-Перетц принадлежит первый и пока единственный в нашей науке опыт изучения сценической истории старинного школьного театра. Историки школьной драмы этой стороне дела обычно не уделяли должного внимания. Пробел этот и восполнила В. П. Адрианова-Перетц в 1928 г. статьей «Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII вв.». За полным отсутствием какого-либо документального материала В. П. Адриановой-Перетц здесь, решая эту проблему, пришлось обратиться прежде всего к сопровождающим пьесы ремаркам и произвести весьма сложное и кропотливое исследование: на основании ремарок попытаться восстановить казалось бы невозможное — рядовой школьный спектакль в его наглядном сценическом воплощении. Режиссеры («хореги») школьного театра и у нас и на Западе, ставя ту или иную пьесу, опирались не только на опыт свой собственный и своих предшественников, но руководствовались также некоторыми пособиями, специально для них составленными; учитывая это обстоятельство, В. П. Адрианова-Перетц привлекла к исследованию и эти пособия: известный трактат Я. Масена «*Speculum imaginum veritatis occultae*» (1650), трактат Ф. Ланга «*Dissertatio de actione scenica*» (1727). В результате ей удалось, систематически проверяя данные ремарок этими латинскими руководствами, установить не только единство театрального стиля русского и западноевропейского школьного театра, но и то новое, что внесли в свои постановки русские «хореги». В статье находим подробную характеристику всех тех элементов, из которых складывался школьный спектакль: и устройства сцены, и декораций, и бутафории, и ряда характерных сценических эффектов — грома и молнии, живых картин, теневых изображений, и даже костюма, в котором выступали как реальные персонажи, так и разные *personae fictae* — античные боги и столь излюбленные школьным театром аллегорические фигуры.

Говоря о работах В. П. Адриановой-Перетц, посвященных старинному театру, нельзя не упомянуть и об одной ее небольшой статье, темой которой явилась другая новинка русской культуры — стихотворство. В заметке «Из начального периода русского стихосложения» (1921) она привела факт, чрезвычайно интересный для характеристики того момента, когда в русской литературе еще только зачиналось искусство «пиитического рифмотворения». Речь идет о конце XVI — самом начале XVII в. Материал, приведенный В. П. Адриановой-Перетц, свидетельствует о том, что уже в это время, лет за двадцать до появления первых известных нам образцов русского виршевого стихотворства, некоторые писатели, даже те, подозревать которых в пристрастии к такому занятию, как сочинение стихов, было бы по меньшей мере странно, например первый всероссийский патриарх Иов, вдруг стали писать так: «**Воинства храброе ополчение, и невозвратное устремление. . . Супротивники наши побежаются, и брани повсюду разсыпаютца. . . Невернии языци победишася, и отеческия грады паки к нему возвратишася. . .**». Это еще, конечно, не стихи, а типичная рифмованная проза, которой автор время от времени пересыпал свое изложение. Но факт тем не менее остается фактом: строки эти говорят о том, что уже на рубеже XVI—XVII вв. (В. П. Адрианова-Перетц привела наиболее ранний по времени пример) появился интерес к рифме, к «двострочному согласию», предвещающий появление стихотворства.

Привлекала внимание В. П. Адриановой-Перетц и переводная литература XVII в. В статье «К истории легенды о странствующем жиде в ста-

ринной русской литературе» (1915) ею установлен факт перевода в 60-х годах XVII в с немецкого языка на русский одного из вариантов широко распространенной на Востоке и Западе легенды об Агасфере.

Из числа работ В. П. Адриановой-Перетц, посвященных другим явлениям древнерусской литературы, притом не только XVII в., следует прежде всего отметить цикл ее статей о древнерусских «хождениях», или «хожениях», — рассказах о путешествиях в разные страны. Интерес к этому жанру возник у В. П. Адриановой-Перетц еще в первые годы ее научной деятельности, не ослабевал он и позже. В. П. Адрианова-Перетц занималась изучением ряда «хождений»: Арсения Селунского, паломника XVI в. Данила Корсунского, казанского купца Василия Гагары, в 1634 г. путешествовавшего в Грузию, Палестину и Египет, украинского паломника начала XVIII в. Ипполита Вишенского — автора «Пелгримадии» в Иерусалим, на Синай и Афон; собирала материалы для критического издания древнейшего памятника этого вида литературы — «Хождения» игумена Даниила XII в. В 1948 г. в серии «Литературные памятники» Академии наук СССР вышло в свет новое издание «Хожения» в Индию в 1466—1472 гг. тверского купца Афанасия Никитина. В. П. Адрианова-Перетц приняла в нем участие и как редактор (совместно с акад. Б. Д. Грековым), и как автор содержательной статьи «Афанасий Никитин — путешественник-писатель».

Начиная с 1947 г. появляется в печати серия работ В. П. Адриановой-Перетц, посвященных одному из интереснейших произведений русской литературы конца XIV в. — «Задонщине». Все они в центральной своей части объединяются задачей восстановить на основе дошедших до нас дефектных списков «Задонщины» и цитат из нее в разных редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» первоначальный (авторский) текст памятника. Решая эту сложную текстологическую задачу, В. П. Адрианова-Перетц пошла значительно дальше своих предшественников (И. И. Срезневского и С. К. Шамбинаго) и во многом иными путями: привлекла к исследованию новые списки; дала текстологическое обоснование своей реконструкции первоначального текста, тщательно оговаривая все поправки и дополнения, вносимые в список, положенный в основу реконструкции; попыталась — и это должно быть особо отмечено — найти объективный критерий отбора первоначальных чтений (в тех случаях, где «Задонщина» воспроизводит поэтический план и стиль «Слова о полку Игореве», В. П. Адрианова-Перетц первоначальными не без оснований считает чтения, наиболее близкие к тексту «Слова»). Результаты своего исследования В. П. Адрианова-Перетц опубликовала в форме трех вариантов приблизительно восстановленного ею «авторского» текста «Задонщины»; последний, окончательный вариант был напечатан в книге «Воинские повести древней Руси» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1949). Каждый вариант отражает определенный этап работы над реконструкцией текста; работа в целом заслуживает всяческого внимания как один из опытов такого рода текстологических разысканий.

В. П. Адриановой-Перетц мы обязаны и первым в нашей науке критическим изданием той редакции «Задонщины», которую мы знаем по сохранившимся спискам. Издание (см.: ТОДРА, т. V) сопровождается характеристикой всех списков «Задонщины» и обстоятельными примечаниями к отдельным местам текста, в том числе параллелями из «Слова о полку Игореве» и «Сказания о Мамаевом побоище».

Тщательное сопоставление «Задонщины» и «Слова о полку Игореве», к которому В. П. Адрианова-Перетц не раз возвращалась в своих работах о «Задонщине», дало ей возможность сделать несколько интересных на-

блюдений, касающихся и текста «Слова о полку Игореве»; она убедительно показала, что с помощью «Задонщины» могут быть оправданы некоторые поправки исследователей к первому изданию «Слова», и, в частности, гипотеза А. И. Соболевского о перестановке в начале его текста.

В связи с работами В. П. Адриановой-Перетц о «Задонщине» необходимо отметить и ее опубликованную в 1947 г. статью, посвященную мало изученному в нашей науке «Слову о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руськаго». Здесь выяснены источники этого произведения, время его написания (первая половина XV в.), его литературная судьба (установлена широкая популярность в литературе XVI—XVII вв. одного эпизода из «Слова» — вдовьего плача княгини Евдокии). Статья не лишена интереса и в методическом отношении как опыт датировки произведения по стилистическим признакам.

Ценный вклад в изучение древнерусской литературы в целом внесла В. П. Адрианова-Перетц в том же 1947 г. своей книгой «Очерки поэтического стиля древней Руси». Книга распадается на две части. В первой рассматриваются наиболее распространенные в древнерусской литературе метафоры-символы («солнце», «облако», «туча», «буря», «корабль», «колос», «сокол», «волк» и пр.) и их разновидности: метафорические сравнения и эпитеты; во второй — встречающиеся в некоторых произведениях ораторской и повествовательной прозы лиро-эпические «плачи», в XVI—XVII вв. иногда выделявшиеся в самостоятельный лиро-эпический жанр. И те и другие в процессе исторического развития древнерусской литературы приобретали подчас характер устойчивых поэтических формул и схем, с некоторыми вариациями кочующих из одного произведения в другое. Большое место в книге занимает анализ происхождения каждой из этих формул и схем: одни восходят к устнопоэтической поэзии и образности живого русского языка, другие — к библейско-византийской системе изобразительных средств. В итоговых разделах книги В. П. Адрианова-Перетц высказала ряд интересных суждений о природе изученных ею метафор и плачей, о причинах их многовековой устойчивости, об их художественном назначении в разных жанрах, о борьбе в них устной и книжной стихии. Книга очень богата фактическими данными и уже по одному этому еще не раз послужит полезным руководством для всех интересующихся вопросами изучения художественного мастерства древнерусских авторов.

В 1949 г. В. П. Адрианова-Перетц опубликовала статью методологического содержания — «Древнерусская литература и фольклор», где указала на необходимость коренного пересмотра традиционного решения этой проблемы. Сопоставление сюжетов, мотивов, художественных приемов, фразеологических сочетаний и даже отдельных слов, которым до последнего времени преимущественно занимались исследователи, явно недостаточно: такое сопоставление часто игнорирует самое основное — содержание произведений. Проблема взаимоотношения в древней Руси литературы и фольклора — это прежде всего «проблема соотнесения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости». Предметом сравнительного изучения литературы и фольклора должно стать в первую очередь не внешнее, а внутреннее сходство, если оно налицо: «свойственное писателю и народному поэту отношение к исторической действительности», «задачи художественного отражения жизни в слове и методы, которыми эти задачи осуществляются».

Опытom реализации этих общих положений на практике и явился цикл статей В. П. Адриановой-Перетц 1950—1953 гг.: «Слово о полку Игореве

и устная народная поэзия», «Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия», «Исторические повести XVII века и устное народное творчество». На ряде конкретных примеров В. П. Адрианова-Перетц здесь наглядно показала, что родство многих литературных памятников древней Руси с народной поэзией в ее лучших образцах отнюдь не исчерпывается одним сходством элементов художественной формы, но является гораздо более глубоким: родство это коренится в общности идей, трактовки событий, миропонимания в целом.

Содержательный экскурс в историю общественной мысли древней Руси находим в статье В. П. Адриановой-Перетц «Крестьянская тема в литературе XVI века». Здесь показано, что в литературе и публицистике XVI в. впервые с большой остротой был поднят вопрос о крестьянстве и его положении в стране. Участие в обсуждении вопроса приняли писатели разных общественно-политических позиций. Даже писатели — ярые сторонники закрепощения крестьянства по разным мотивам подчас не жалели мрачных красок для описания «мирских слез» во владениях светских и в особенности духовных феодалов. Суждения этих писателей и нарисованная ими картина бесправия крестьянских масс интересно прокомментирована в статье при помощи обширного актового материала.

Несколько особое место в ряду историко-литературных исследований и публикаций В. П. Адриановой-Перетц занимает ее ранняя работа, опубликованная еще в 1912 г., — «Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв.». В основу работы легли изредка встречающиеся в рукописях пометы об их стоимости, извлеченные В. П. Адриановой-Перетц из существующих описаний рукописей; пометы эти перепечатаны в приложении к исследованию. В предпосланном изданию помет предисловии В. П. Адрианова-Перетц на основе собранного ею материала (514 записей) показала, как влияло содержание книги на ее цену, каково было соотношение между стоимостью книг различного содержания в ту или иную эпоху, какие события вызывали резкое колебание в цене книг и пр. Сведения, сообщенные здесь, интересны, и мимо них не пройдет, конечно, ни один историк культуры древней Руси, ни один палеограф и книговед.

Обзор научных работ В. П. Адриановой-Перетц следует дополнить указанием и на ряд ее библиографических пособий. Мы обязаны ей полной (до 1928 г.) библиографией старинного школьного театра, русского и украинского, «Слова о полку Игореве» (до 1938 г.), древнерусской повести, оригинальной и переводной (последняя работа была составлена совместно с В. Ф. Покровской).

Высокая филологическая культура — качество, которое прежде всего хочется отметить, говоря о работах В. П. Адриановой-Перетц. Культура эта — печать ее лежит на всех учениках старшего поколения покойного академика В. Н. Перетца — сказывается во всем: и в широкой эрудиции, и в точности анализа, и в строгой доказательности отдельных положений, и даже в самой манере изложения мыслей, всегда отчетливой и выразительной. Должна быть отмечена и еще одна в высшей степени привлекательная особенность научного творчества В. П. Адриановой-Перетц — решительность, с какой она всегда, даже в начальные годы своей научной деятельности, бралась за наиболее трудные, наименее разработанные в науке вопросы.

За последние двадцать с лишним лет научная биография В. П. Адриановой-Перетц была тесно связана с деятельностью Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. Когда в 1933 г. по инициативе академиков А. С. Орлова, В. Н. Перетца и

Н. К. Никольского в стенах Пушкинского Дома возник на правах официального научно-исследовательского объединения Отдел (позже — Сектор) древнерусской литературы, В. П. Адрианова-Перетц активно включилась в его работу — сперва в качестве ученого секретаря Отдела, а с 1947 по 1954 г. в качестве его научного руководителя. Если Сектор древнерусской литературы стал крупнейшим в нашей стране научно-исследовательским центром изучения литературы и общественной мысли древней Руси, то этим он в значительной степени обязан энергии и научно-организационной инициативе В. П. Адриановой-Перетц.

Последние качества в особенности наглядно проявились, когда Отделу древнерусской литературы, равно как и Отделу новой русской литературы, в 1937 г. было поручено приступить к подготовке десятитомной академической «Истории русской литературы». В работу эту В. П. Адрианова-Перетц вошла одна из первых — деятельно и щедро и как автор ряда глав и как редактор двух первых томов «Истории», посвященных литературе древней Руси. Весь свой большой опыт и обширные познания она отдала этому важному и ответственному изданию, и не напрасно. Работа по подготовке первых двух томов «Истории русской литературы», объединившая усилия едва ли не всех специалистов нашей страны, явилась заметным этапом в развитии нашей науки: она подвела итоги изучению древнерусской литературы за весь предшествующий период и наметила перспективы дальнейшего изучения. При всех своих недочетах (многие из них отражают уровень советского литературоведения 30—начала 40-х годов) оба тома (том второй вышел в двух книгах) и по сегодняшний день являются наиболее полным по материалу и обстоятельным обзором исторических судеб древнерусской литературы.

Самое деятельное участие принимала В. П. Адрианова-Перетц и в ряде других коллективных начинаний Пушкинского Дома: в составлении краткого очерка истории литературы древней Руси в составе первого тома «Истории русской литературы» под общей редакцией проф. В. А. Десницкого (Учпедгиз, 1941); в подготовке большого недавно завершенного труда «Русское народное поэтическое творчество», первый том которого под редакцией В. П. Адриановой-Перетц вышел в 1953 г. (здесь ей принадлежат заключительная глава и написанная совместно с Б. Н. Путиловым глава «Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII века»); в последние годы в подготовке первого тома трехтомной «Истории русской литературы», предпринятой совместно двумя литературными институтами Академии наук СССР.

Наконец, необходимо отметить и большую работу, которую с 1948 г. ведет В. П. Адрианова-Перетц как редактор, а подчас и как соавтор, над подготовкой к печати ряда ценных изданий в серии «Литературные памятники» Академии наук СССР («Воинские повести древней Руси», «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Послания Ивана Грозного», «Временник Ивана Тимофеева», «Русская сатирическая сказка в записях середины XIX—начала XX века»), а также ряда изданий Пушкинского Дома: юбилейного сборника исследований и статей «Слово о полку Игореве» (1950), второго тома «Былин Севера» А. М. Астаховой (1951), «Казанской истории» Г. Н. Моисеевой (1954), «Повести о Сухане» В. И. Малышева (1956), «Артаксерксова действия» И. М. Кудрявцева (1957). В течение ряда лет В. П. Адрианова-Перетц редактировала также «Труды» Отдела древнерусской литературы, активно привлекая к участию в этом издании специалистов не только Ленинграда и Москвы, но и других городов.

Уже один этот далеко не полный перечень книг и изданий, вышедших в свет при том или ином участии В. П. Адриановой-Перетц, при ее неизменной дружеской поддержке, свидетельствует о том, какую почетную роль в советском литературоведении играет она как неутомимый организатор разного рода научно-исследовательских работ по изучению не только литературного наследия древней Руси, но — в последние годы — и русского народного творчества.
